

политика

власть

государство

правильный
класс

современное
общество

демократии

политические
партии

политические
идеологии

политические
реформы

международные
отношения

суверенитет
наций

ВСЯ ПОЛИТИКА

ХРЕСТОМАТИЯ

Александр Филиппов

Вся политика. Хрестоматия

«Европа»

Филиппов А.

Вся политика. Хрестоматия / А. Филиппов — «Европа»,

Наконец-то есть самоучитель политических знаний для человека, окончившего среднюю школу и не утратившего желания разобраться в мире, в стране, гражданином которой он с формальной точки зрения стал, получив на руки паспорт, а по сути становится им по мере достижения политической зрелости. Жанр хрестоматии соблюден здесь в точности: десятки документов, выступлений и интервью российских политиков, критиков наших и иностранных собраны в дюжину разделов – от того, что такое вообще политика, и до того, чем в наше время является вопрос о национальном суверенитете; от сжатой и емкой характеристики основных политических идеологий до политической системы государства и сути ее реформирования. Вопросы к читателю, которыми завершается каждый раздел, сформулированы так, что внятный ответ на них возможен при условии внимательного, рассудительного чтения книги, полезной и как справочник, и как учебник. Finally we do have a teach-yourself book that contains political knowledge for a young person who, fresh from High School and still eager to get a better understanding of the world a newborn citizen aspiring for some political maturity. The study-book format is strictly adhered to here: dozens of documents, speeches and interviews with Russian politicians, critical views at home and abroad were brought together and given a comprehensive structure. From definitions of politics itself to the subject of the national sovereignty and the role it bears in our days; from a concise and capacious description of main political ideologies to the political system of the State and the nature of its reform. Each chapter ends with carefully phrased questions that require a sensible answer from an attentive and judicious reader. The book is useful both for reference and as a textbook.

© Филиппов А.

© Европа

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
1. ЧТО ТАКОЕ ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВО?	8
АРИСТОТЕЛЬ. ПОЛИТИКА[1]	9
КНИГА ПЕРВАЯ (А)	9
КНИГА ТРЕТЬЯ (Г)	10
КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ (Д)	11
КНИГА ПЯТАЯ (Е)	12
КНИГА СЕДЬМАЯ (Н)	12
Н. МАКИАВЕЛЛИ. ГОСУДАРЬ[2]	14
ГЛАВА I	14
ГЛАВА II	14
ГЛАВА XV	15
ГЛАВА XVIII	15
ГЛАВА XIX	16
ГЛАВА XXI	17
ГЛАВА XXII	18
ГЛАВА XXIII	18
Т. ГОББС	20
ЧАСТЬ II. О ГОСУДАРСТВЕ ГЛАВА XVII	20
ГЛАВА XIX	22
ЛЖ. ЛОКК. ДВА ТРАКТАТА О ПРАВЛЕНИИ[4]	24
КНИГА ВТОРАЯ	24
ГЛАВА III	24
ГЛАВА VII	25
ГЛАВА VIII	27
ГЛАВА IX	28
М. ВЕБЕР. ПОЛИТИКА КАК ПРИЗВАНИЕ И ПРОФЕССИЯ[5]	30
СОВРЕМЕННАЯ ДИСКУССИЯ	38
В. ВОЛКОВ. МОНОПОЛИЯ НА НАСИЛИЕ[7]	38
С. ХОЛМС. ЧЕМУ РОССИЯ УЧИТ НАС ТЕПЕРЬ?[8]	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

А. В. Филиппов, В. Д. Нечаев

Вся политика. Хрестоматия

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ВЫСШАЯ ШКОЛА
УПРАВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ

*Не спрашивай, что твоя страна может для тебя сделать; спроси,
что ты можешь сделать для своей страны.*
Дж. Ф. Кеннеди

*Поражение – горькая вещь.
Какой смысл объяснять причину поражения?
Люди не любят поражений, равно как они не любят оправданий,
какими бы подробными и вразумительными они ни были.
На поражение есть только один ответ.
Единственным ответом на поражение является победа.*
У. Черчилль 1941 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга адресована тем, кто не изучал политические науки в высшей школе. Однако политические знания требуются не только тем, кто посвящает жизнь наблюдению, комментированию, анализу и исследованию политических процессов.

Рядовому гражданину – именно для того, чтобы быть гражданином, – нужен довольно солидный запас сведений о политической сфере жизни общества вообще и своей родной страны в особенности.

Для того чтобы получить необходимый минимум знаний, нашему гражданину придется прочитать несколько десятков статей и книг, не все из которых найдутся в ближайшей библиотеке. Наша цель состоит в том, чтобы собрать под одной обложкой выбранные места из трудов классиков политической науки и современных авторов, снабдив их минимально необходимыми пояснениями и объединив в связный и удобочитаемый текст, предоставляющий читателю начальные сведения о современной российской политике.

Как читать эту хрестоматию? В начале каждой главы ее логику построения и мотивы выбора цитат объясняют вводные тексты от редакции. В каждой главе, посвященной крупному вопросу или проблеме, после теоретических работ вы найдете раздел «*Современная дискуссия*». Там собраны цитаты из законодательных актов, выступлений Президента России и действующих политиков. Высказывания политиков и экспертов размещены также во «врезках» в основном тексте. Таким образом мы постарались показать наличный спектр мнений. Это сделано для того, чтобы каждому стала понятна связь между теорией и практикой принятия политических решений. Как нам представляется, после прочтения хрестоматии у вас изменится отношение к **принимаемым в государстве решениям. Не в том смысле, что вы начнете их разделять, но станете понимать их логику.**

Мы начнем с базовых понятий – что такое политика, что такое государство, что такое власть и что такое правящие элиты. Затем мы ознакомимся с понятиями о современных обществах и о модернизации. На этой основе мы перейдем к крупнейшему политическому достижению современных обществ – демократии. Узнав, что такое демократия, мы ознакомимся со сравнительно новой, но бурно развивающейся и уже обзаведшейся собственными классиками

политологической дисциплиной – теорией перехода к демократии (транзитологией). Отдельно мы остановимся на двух связанных с проблемой перехода к демократии проблемах – национализма (в его соотношении с демократией) и роли государственности в обеспечении демократии и прав человека.

Опираясь на эту теоретическую базу, мы на примере наиболее интересных высказываний показываем, как происходил переход в нашей стране и к установлению какого режима он привел к настоящему времени. В отдельной главе мы познакомимся с политическим содержанием действующей Конституции Российской Федерации – институциональной базы современной российской политики. Затем, опираясь на знания о демократии и транзитологии, мы рассмотрим суть происходящей политической реформы.

Никакое государство не существует в одиночку – оно всегда включено в мировую систему государств. Поэтому мы включили разделы о существующих теориях международных отношений, ведущих концепциях складывающегося нового мирового порядка, месте, которое Россия стремится занять в мире.

Читайте на здоровье и постарайтесь понять, в каком мире вы живете, в какой стране, в каком сложном обществе. Будьте гражданами России!

1. ЧТО ТАКОЕ ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВО?

Наиболее распространенные и часто употребляемые людьми слова, как правило, одновременно имеют и наиболее размытые и расплывчатые значения. К ним относится и слово «политика». **«Мы хорошо знаем, что это такое, до тех пор, пока нас об этом не спросят»**, – заметил по этому поводу известный языковед В. А. Успенский.

Рассуждения политического философа древности Аристотеля приводят нас к мысли о смысле существования государства (соблюдения справедливости и законности) и о вреде крайностей в правлении. Опасна как абсолютная единоличная власть, так и неограниченная власть народа – и то и другое чревато потерей законности.

Первый «политический советник» и «политтехнолог» Макиавелли известен своими циничными рассуждениями об управлении народом. Однако нас здесь в большей степени интересует другая сторона его мысли – государь (государство) должен использовать все имеющиеся в его распоряжении средства, когда речь идет о защите свободы и безопасности страны.

Политические философы эпохи Просвещения Т. Гоббс и Дж. Локк – создатели теории общественного договора, согласно которой общество и государство возникают из «естественного состояния». Сопоставление их книг дает нам представление об эволюции отношения к государству самих граждан: Гоббс теоретически обосновывает абсолютную власть, спасающую людей от «войны всех против всех», а Дж. Локк ставит абсолютного монарха вне гражданского общества.

М. Вебер – классик политической науки XX века. Именно его подход к понятиям «политика» и «власть» считается на сегодняшний день наиболее взвешенным и принятым.

В рамках раздела **«Современная дискуссия»** в этой главе мы приводим статью отечественного социолога В. Волкова о «реконструкции государства» в России – она покажет вам, насколько близки теоретические работы Вебера к современности и как «исчезновение» государства в смутное время предыдущих 20 лет едва не привело к трагическим последствиям. О том же пишет американский исследователь Холмс: **«На примере нынешней России становится до боли ясно: несостоятельность государства угрожает либеральным ценностям столь же серьезно, как и деспотическая власть»**.

Цитаты из Посланий В. Путина Федеральному Собранию России определяют политику в этом направлении. Постарайтесь понять их и как определяющие документы политического курса страны, и как выступления действующего политика.

АРИСТОТЕЛЬ. ПОЛИТИКА¹

Аристотель (384—322 до н.э.) – великий греческий философ и политический мыслитель. С именами Платона и Аристотеля связано зарождение политической науки.

На фреске Рафаэля «Афинская школа» изображен спор великих мыслителей: Платон указывает на небо, Аристотель – на землю. Это метафорически изображает противоположность их устремлений, в том числе и в сфере познания политики: Платон создал грандиозное сочинение об идеальном государстве, в то время как Аристотель анализировал существующие государства; перед написанием трактата «Политика» им и его учениками были составлены описания политического строя 147 городов-государств.

Аристотель утверждал, что человек, будучи «политическим животным», несет в себе инстинктивное стремление к совместному сожителству: развитие общества идет от семьи к общине, а от нее к государству (полису). Государство (по Аристотелю) существует ради «лучшей жизни» своих граждан.

Наибольшее влияние на последующую политическую мысль оказала созданная Аристотелем классификация форм государственного устройства. По сей день публицисты любят цитировать суждения великого эллина о среднем слое как лучшей основе государства.

Формы государственного устройства Аристотель определял по двум основаниям: число правящих и цель правления. В зависимости от этого он выделял три «правильных» формы правления (монархия, аристократия, полития), при которых правители имеют в виду общую пользу, и три «неправильных» (тирания, олигархия, демократия), преследующие лишь личное благо правителей. Формы государственного устройства Аристотель связывал с их «принципами»: принцип аристократии – добродетель, олигархии – богатство, демократии – свобода. Политик», которая включает все три принципа, философ считает наилучшей формой правления, так как она объединяет интересы зажиточных и немущих. Полития – «средняя» форма государства, и «средний» элемент в ней доминирует во всем: в нравах – умеренность, в имуществе – средний достаток, во властвовании – средний слой.

КНИГА ПЕРВАЯ (А)

1. 1. Поскольку, как мы видим, всякое государство представляет собой своего рода общество, всякое же общество организуется ради какого-либо блага (ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо), то, очевидно, все общения стремятся к тому или иному благу, причем больше других и к высшему из всех благ стремится то общество, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общество и называется государством ИЛИ обществом политическим. <...>

2. <...> Соответственно общению, естественным путем возникшее для удовлетворения повседневных надобностей, есть семья. <...>

7. Общество, состоящее из нескольких семей и имеющее целью обслуживание не кратковременных только потребностей, – селение. <...>

8. Общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершённое государство, достигшее, можно сказать, в полной мере самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни. Отсюда следует, что всякое государство – продукт естественного возникновения, как и первичные общения: оно является завершением их, в завершении же сказывается природа. <...>

¹ Аристотель. Сочинения: В 4 т. – М., 1983. Т. 4. С. 376—612.

9. Из всего сказанного явствует, что государство принадлежит к тому, что существует по природе, и что человек по природе своей есть существо политическое. <...>

КНИГА ТРЕТЬЯ (Г)

I.2. Ввиду того, что государство представляет собой нечто составное, подобное всякому целому, но состоящему из многих частей, ясно, что сначала следует определить, что такое гражданин (*polites*), ведь государство есть совокупность граждан. Итак, должно рассмотреть, кого следует называть гражданином и что такое гражданин. <...>

5. <...> Мы же считаем гражданами тех, кто участвует в суде и в народном собрании. Примерно такое определение понятия гражданина лучше всего подходит ко всем тем, кто именуется гражданами.

II.1. <...> Гражданин, говорим мы, находится в таком же отношении к государству, в каком моряк на судне – к остальному экипажу. Хотя моряки на судне занимают неодинаковое положение <...> благополучное плавание – цель, к которой стремятся все моряки в совокупности и каждый из них в отдельности.

2. То же самое и по отношению к гражданам: хотя они и не одинаковы, все же их задача заключается в спасении составляемого ими общения, а общением этим является государственный строй. <...>

IV.1. <...> Государственное устройство (*politeia*) – это распорядок в области организации государственных должностей вообще, и в первую очередь верховной власти: верховная власть повсюду связана с порядком государственного управления, а последний и есть государственное устройство. Я имею в виду, например, то, что в демократических государствах верховная власть – в руках народа; в олигархиях, наоборот, в руках немногих; поэтому и государственное устройство в них мы называем различным. С этой точки зрения мы будем судить и об остальном.

V.1. Государственное устройство означает то же, что и порядок государственного управления, последнее же олицетворяется верховной властью в государстве, и верховная власть непременно находится в руках либо одного, либо немногих, либо большинства. <...>

2. Монархическое правление, имеющее в виду общую пользу, мы обыкновенно называем царской властью; власть немногих, но более чем одного – аристократией (или потому, что правят лучшие, или потому, что имеется в виду высшее благо государства и тех, кто в него входит); а когда ради общей пользы правит большинство, тогда мы употребляем обозначение, общее для всех видов государственного устройства, – полития. <...>

4. Отклонения от указанных устройств следующие: от царской власти – тирания, от аристократии – олигархия, от политии – демократия. Тирания – монархическая власть, имеющая в виду выгоды одного правителя; олигархия блюдет выгоды состоятельных граждан; демократия – выгоды неимущих; общей же пользы ни одна из них в виду не имеет. <...>

5. Тирания, как мы сказали, есть деспотическая монархия в области политического общения; олигархия – тот вид, когда верховную власть в государственном управлении имеют владеющие собственностью; наоборот, при демократии эта власть сосредоточена не в руках тех, кто имеет большое состояние, а в руках неимущих. <...>

7. Итак, из приведенных соображений, по-видимому, вытекает следующее: тот признак, что верховная власть находится либо в руках меньшинства, либо в руках большинства, есть признак случайный и при определении того, что такое олигархия, и при определении того, что такое демократия, так как повсеместно состоятельных бывает меньшинство, а неимущих большинство; значит, этот признак не может служить основой указанных выше различий. То, чем различаются демократия и олигархия, есть бедность и богатство; вот почему там, где власть

основана – безразлично, у меньшинства или большинства – на богатстве, мы имеем дело с олигархией, а где правят неимущие, там перед нами демократия. <...>

VI.4. <...> А то положение, что предпочтительнее, чтобы верховная власть находилась в руках большинства, нежели меньшинства, хотя бы состоящего из наилучших, может считаться, по-видимому, удовлетворительным решением вопроса и заключает в себе некое оправдание, а пожалуй, даже и истину. Ведь может оказаться, что большинство, из которого каждый сам по себе и не является дельным, объединившись, окажется лучше тех, не порознь. <...>

б. <...> Над чем, собственно, должна иметь верховную власть масса свободнорожденных граждан, т. е. все те, кто и богатством не обладает, и не отличается ни одной выдающейся добродетелью? Допускать таких к занятию высших должностей небезопасно: не обладая чувством справедливости и рассудительностью, они могут поступать то несправедливо, то ошибочно. С другой стороны, опасно и устранять их от участия во власти: когда в государстве много людей лишено политических прав, когда в нем много бедняков, такое государство неизбежно бывает переполнено враждебно настроенными людьми. Остается одно: предоставить им участвовать в совещательной и судебной власти.

Политика – слишком серьезное дело, чтобы ей занимались одни политики.

Шарль де Голль

12. <...> Ведь властью является не член суда, не член совета, не член народного собрания, но суд, совет и народное собрание; каждый из поименованных членов представляет собой только составную часть самих учреждений <...>, так что народная масса с полным правом имеет в своих руках верховную власть над более важными делами: и народное собрание, и совет, и суд состоят из многих, да и имущественный ценз всех, вместе взятых, превышает имущественный ценз каждого в отдельности или немногих, занимающих высокие посты в государстве.

VII.8. <...> Равным образом справедливы и притязания большинства предпочтительно перед меньшинством, потому что большинство во всей его совокупности и сильнее, и богаче, и лучше по сравнению с меньшинством. <...>

XI.3. Поэтому справедливость требует, чтобы все равные властвовали в той же мере, в какой они подчиняются, и чтобы каждый поочередно то повелевал, то подчинялся. Здесь мы уже имеем дело с законом, ибо порядок и есть закон. Поэтому предпочтительнее, чтобы властвовал закон, а не кто-либо один из среды граждан. На том же самом основании, даже если будет признано лучшим, чтобы власть имели несколько человек, следует назначать этих последних стражами закона и его слугами. <...>

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ (Д)

II.1. В нашем предыдущем рассуждении о видах государственного устройства мы распределили их так: три вида правильные – царская власть, аристократия, полиция – и три отклоняющиеся от них, тирания – от царской власти, олигархия – от аристократии, демократия – от полиции. <...>

IX.1. Какой же вид государственного устройства наилучший? <...>

3. <...> В каждом государстве есть три части: очень состоятельные, крайне неимущие и третьи, стоящие посередине между теми и другими. <...> Люди первого типа становятся по преимуществу наглецами и крупными мерзавцами. Люди второго типа часто делаются злодеями и мелкими мерзавцами. А из преступлений одни совершаются из-за наглости, другие – вследствие подлости. Сверх того, люди обоих этих типов не уклоняются от власти, но ревностно стремятся к ней, а ведь и то и другое приносит государствам вред.

Искусство политики – это искусство делать так, чтобы каждому было выгодно быть добродетельным.

Клод Адриан Гельвеций

8. Итак, ясно, что наилучшее государственное устройство – то, которое достигается посредством средних, и те государства имеют хороший строй, где средние представлены в большем количестве, где они – в лучшем случае – сильнее обеих крайностей или по крайней мере каждой из них в отдельности. Соединившись с той или другой крайностью, они обеспечивают равновесие и препятствуют перевесу противников. Поэтому величайшим благополучием для государства является то, чтобы его граждане обладали собственностью средней, но достаточной; а в тех случаях, когда одни владеют слишком многим, другие же ничего не имеют, возникает либо крайняя демократия, либо олигархия в чистом виде, либо тирания, именно под влиянием противоположных крайностей. Ведь тирания образуется как из чрезвычайно распущенной демократии, так и из олигархии, значительно реже – из средних видов государственного строя. <...>

КНИГА ПЯТАЯ (Е)

I.4. <...> государственные перевороты встречаются двоякого рода: иногда посягают на существующее государственное устройство, чтобы заменить его другим, например, демократическое – олигархическим, олигархическое – демократическим, олигархию и демократию – аристократией и политией или наоборот; иногда на существующее государственное устройство не посягают, оно остается прежним, но стремятся сами взять в свои руки правление, например, в олигархии или монархии.

6. <...> Вообще повсюду причиной возмущений бывает отсутствие равенства, коль скоро ему не соответствует действительное неравенство, ведь и пожизненная царская власть есть неравенство, если она имеется среди равных. И возмущения поднимаются вообще ради достижения равенства. <...>

КНИГА СЕДЬМАЯ (Н)

II.3. Итак, ясно, что наилучшим государственным строем должно признать такой, организация которого дает возможность всякому человеку благоденствовать и жить счастливо. Но даже те, которые согласны в том, что всего более предпочтительна жизнь, согласная с требованиями добродетели, спорят, чему отдать предпочтение: политической ли и практически деятельной жизни или такой жизни, которая свободна от всякой внешней деятельности, например, той созерцательной жизни, какую некоторые только и считают достойной философа. Легко видеть, что люди, всего выше ставящие достоинство и честь, почти всегда избирают один из этих двух образов жизни – практически деятельный и философский; так было раньше, так обстоит дело и теперь.

IV.2. <...> Первым условием для обеспечения существования государства является совокупность граждан; возникает вопрос, как велико должно быть их количество, какие они должны иметь природные качества, точно так же какого размера должна быть территория и каковы должны быть ее свойства.

5. Опыт подсказывает, однако, как трудно, чтобы не сказать невозможно, слишком многонаселенному государству управляться хорошими законами; по крайней мере мы видим, что все те государства, чье устройство сльвет прекрасным, не допускают чрезмерного увеличения своего народонаселения. <...>

VII.4. Итак, мы должны перечислить задачи государства, и тогда вопрос станет ясным. Должно быть прежде всего пропитание; затем – ремесла (человеческая жизнь нуждается во

многих орудиях); в-третьих, оружие (оружие необходимо для участников государственного общения как для поддержания власти против неповинующихся внутри государства, так и против внешних врагов, если они попытаются нанести обиду); также известный запас денежных средств для собственных надобностей и для военных нужд; в-пятых, и это прежде всего, попечение о религиозном культе, то есть то, что называется жречеством; в-шестых по счету, но самое необходимое – решение о том, что полезно и что справедливо в отношениях граждан между собой.

ХП.1. <...> Благо при всех обстоятельствах зависит от соблюдения двух условий: одно из них – правильное установление задачи и конечной цели всякого рода деятельности, второе – отыскание всякого рода средств, ведущих к конечной цели. Может случиться, что оба этих требования будут противоречить друг другу, и может случиться, что они будут совпадать, ведь иногда цель определена прекрасно, но совершаются ошибки в средствах, ведущих к ее достижению; в другой раз имеются все средства, ведущие к достижению цели, но сама цель поставлена плохо. <...>

Н. МАКИАВЕЛЛИ. ГОСУДАРЬ²

Макиавелли Никколо (1469—1527) – итальянский политический мыслитель, историк, литератор, политик и дипломат, в 1498—1512 гг. – секретарь Совета десяти Флорентийской республики. После государственного переворота во Флоренции и установления тирании Медичи был сослан в свое имение. Автор трактатов «Рассуждение на первую декаду Тита Ливия», «Государь», «История Флоренции», песен, сонетов, новелл и комедий.

Макиавелли впервые в Европе подошел к политике со светских, а не богословских позиций, в связи с чем его часто именуют основателем или открывателем политической науки. В «Государе» он пытался сформулировать правила политического искусства, которые необходимы для создания сильного государства. При этом Макиавелли за аксиому принимал тезис о том, что народ невежественен, а гражданские добродетели – достояние немногих. Для достижения политической цели, считает Макиавелли, допустимы все средства. В своей частной жизни государь должен руководствоваться общепринятыми нормами поведения, но он может не считаться с требованиями морали, если его действия направляются заботой о процветании и могуществе государства. «Когда речь идет о спасении родины, не следует принимать во внимание никакие соображения о том, что справедливо и что несправедливо, что милосердно и что жестоко, что похвально и что позорно, но необходимо, забыв обо всем прочем, действовать так, чтобы спасти ее существование, ее свободу». Следовательно, политику и политические деяния нельзя судить с нравственных позиций.

От имени мыслителя возник термин «макиавеллизм», которым обозначается поведение, пренебрегающее нормами морали для достижения политических целей. Суть макиавеллизма – «цель оправдывает средства», и вероломство, коварство, жестокость считаются оправданными и приемлемыми, если служат достижению политической цели.

ГЛАВА I СКОЛЬКИХ ВИДОВ БЫВАЮТ ГОСУДАРСТВА И КАК ОНИ ПРИОБРЕТАЮТСЯ

Все государства, все державы, обладавшие или обладающие властью над людьми, были и суть либо республики, либо государства, управляемые единовластно. Последние могут быть либо унаследованными – если род государя правил долгое время, либо новыми. Новым может быть либо государство в целом – таков Милан для Франческо Сфорца; либо его часть, присоединенная к унаследованному государству вследствие завоевания – таково Неаполитанское королевство для короля Испании. Новые государства разделяются на те, где подданные привыкли повиноваться государям, и те, где они искони жили свободно; государства приобретаются либо своим, либо чужим оружием, либо милостью судьбы, либо доблестью.

ГЛАВА II О НАСЛЕДСТВЕННОМ ЕДИНОВЛАСТИИ

«...» Здесь я перейду прямо к единовластному правлению и, держась намеченного выше порядка, разберу, какими способами государи могут управлять государствами и удерживать над ними власть.

² Макиавелли Н. Государь. – М., 1990. С. 4, 5-7, 10-12, 46-58, 66-78.

Всякая власть развращает; абсолютная власть развращает абсолютно.

Джон Эктон

«...» Ибо у государя, унаследовавшего власть, меньше причин и меньше необходимости притеснять подданных, почему они и платят ему большей любовью, и если он не обнаруживает чрезмерных пороков, вызывающих ненависть, то закономерно пользуется благорасположением граждан. Давнее и преемственное правление заставляет забыть о бывших некогда переворотах и вызвавших их причинах, тогда как всякая перемена прокладывает путь другим переменам.

ГЛАВА XV О ТОМ, ЗА ЧТО ЛЮДЕЙ, В ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРЕЙ, ВОСХВАЛЯЮТ ИЛИ ПОРИЦАЮТ

«...» Государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности.

Если же говорить не о вымышленных, а об истинных свойствах государей, то надо сказать, что во всех людях, а особенно в государях, стоящих выше прочих людей, замечают те или иные качества, заслуживающие похвалы или порицания. «...» Что может быть похвальнее для государя, нежели соединять в себе все лучшие из перечисленных качеств? Но раз в силу своей природы человек не может ни иметь одни добродетели, ни неуклонно им следовать, то благо-разумному государю следует избегать тех пороков, которые могут лишить его государства, от остальных же – воздерживаться по мере сил, но не более. И даже пусть государи не боятся навлечь на себя обвинения в тех пороках, без которых трудно удержаться у власти, ибо, вдумавшись, мы найдем немало такого, что на первый взгляд кажется добродетелью, а в действительности пагубно для государя и наоборот: выглядит как порок, а на деле доставляет государю благополучие и безопасность.

ГЛАВА XVIII О ТОМ, КАК ГОСУДАРИ ДОЛЖНЫ ДЕРЖАТЬ СЛОВО

Излишне говорить, сколь похвальна в государе верность данному слову, прямодушие и неуклонная честность. Однако мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдерживать данное слово и умел, кого нужно, обвести вокруг пальца; такие государи в конечном счете преуспели куда больше, чем те, кто ставил на честность.

Надо знать, что с врагом можно бороться двумя способами: во-первых, законами, во-вторых, силой. Первый способ присущ человеку, второй – зверю; но так как первое часто недостаточно, то приходится прибегать и ко второму. Отсюда следует, что государь должен усвоить то, что заключено в природе и человека, и зверя. «...»

Итак, из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса – волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков. Тот, кто всегда подобен льву, может не заметить капкана. Из чего следует, что разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание. Такой совет был бы недостойным, если бы люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат, поэтому и ты должен поступать с ними так же. А благовидный предлог нарушить обещание всегда найдется. Примеров тому множество: сколько мирных договоров, сколько соглашений не вступило в силу или пошло прахом из-за того, что государи нарушали свое слово, и всегда в выигрыше оказывался тот, кто имел лисью натуру. Однако натуру эту надо еще

уметь прикрыть, надо быть изрядным обманщиком и лицемером, люди же так простодушны и так поглощены ближайшими нуждами, что обманывающий всегда найдет того, кто даст себя одурачить. <...>

<...> Надо являться в глазах людей сострадательным, верным слову, милостивым, искренним, благочестивым – и быть таковым в самом деле, но внутренне надо сохранять готовность проявить и противоположные качества, если это окажется необходимо. Следует понимать, что государь, особенно новый, не может исполнять все то, за что людей почитают хорошими, так как ради сохранения государства он часто бывает вынужден идти против своего слова, против милосердия, доброты и благочестия. Поэтому в душе он всегда должен быть готов к тому, чтобы переменить направление, если события примут другой оборот или в другую сторону задует ветер фортуны, т. е., как было сказано, по возможности не удаляться от добра, но при надобности не чураться и зла.

Итак, государь должен бдительно следить за тем, чтобы с языка его не сорвалось слова, не исполненного пяти названных добродетелей. Пусть тем, кто видит его и слышит, он предстанет как само милосердие, верность, прямодушие, человечность и благочестие, особенно благочестие. Ибо люди большей частью судят по виду, так как увидеть дано всем, а потрогать руками – немногим. Каждый знает, каков ты с виду, немногим известно, каков ты на самом деле, и эти последние не посмеют оспорить мнение большинства, за спиной которого стоит государство. О действиях всех людей, а особенно государей, с которых в суде не спросишь, заключают по результату, поэтому пусть государи стараются сохранить власть и одержать победу. Какие бы средства для этого ни употребить, их всегда сочтут достойными и одобряют, ибо чернь прельщается видимостью и успехом, в мире же нет ничего, кроме черни, и меньшинству в нем не остается места, когда за большинством стоит государство. Один из нынешних государей, которого воздержусь называть, только и делает, что проповедует мир и верность, на деле же тому и другому злейший враг; но если бы он последовал тому, что проповедует, то давно лишился бы либо могущества, либо государства.

ГЛАВА XIX О ТОМ, КАКИМ ОБРАЗОМ ИЗБЕГАТЬ НЕНАВИСТИ И ПРЕЗРЕНИЯ

<...> Государь <...> должен следить за тем, чтобы не совершить ничего, что могло бы вызвать ненависть или презрение подданных. Если в этом он преуспеет, то свое дело он сделал, и прочие его пороки не представят для него никакой опасности. Ненависть государи возбуждают хищничеством и посягательством на добро и женщин своих подданных. Ибо большая часть людей довольна жизнью, пока не задеты их честь или имущество; так что недовольным может оказаться лишь небольшое число честолюбцев, на которых нетрудно найти управу. Презрение государи возбуждают непостоянством, легкомыслием, изнеженностью, малодушием и нерешительностью. Этих качеств надо остерегаться как огня, стараясь, напротив, в каждом действии являть великодушие, бесстрашие, основательность и твердость. Решения государя касательно частных дел подданных должны быть бесповоротными, и мнение о нем должно быть таково, чтобы никому не могло прийти в голову, что можно обмануть или перехитрить государя. К правителю, внушившему о себе такое понятие, будут относиться с почтением; а если известно, что государь имеет выдающиеся достоинства и почитаем своими подданными, врагам труднее будет напасть на него или составить против него заговор. Ибо государя подстерегают две опасности – одна изнутри, со стороны подданных, другая извне – со стороны сильных соседей. С внешней опасностью можно справиться при помощи хорошего войска и хороших союзников; причем тот, кто имеет хорошее войско, найдет и хороших союзников. А если опасность извне будет устранена, то и внутри сохранится мир при условии, что его не нарушат тай-

ные заговоры. Но и в случае нападения извне государь не должен терять присутствия духа, ибо, если образ его действий был таков, как я говорю, он устоит перед любым неприятелем. <...>

Что же касается подданных, то когда снаружи мир, единственное, чего следует опасаться, – это тайные заговоры. Главное средство против них – не навлекать на себя ненависти и презрения подданных и быть угодным народу, чего добиться необходимо, как о том подробно сказано выше. Из всех способов предотвратить заговор самый верный – не быть ненавистным народу. Ведь заговорщик всегда рассчитывает на то, что убийством государя угодит народу; если же он знает, что возмутит народ, у него не хватит духа пойти на такое дело. <...>

Короче говоря, на стороне заговорщика – страх, подозрение, боязнь расплаты; на стороне государя – величие власти, законы, друзья и вся мощь государства; так что если к этому присоединяется народное благоволение, то едва ли кто-нибудь осмелится составить заговор. Ибо заговорщику есть чего опасаться и прежде совершения злого дела, но в этом случае, когда против него народ, ему есть чего опасаться и после, ибо ему не у кого будет искать убежища. <...>

В заключение повторю, что государь может не опасаться заговоров, если пользуется благоволением народа, и, наоборот, должен бояться всех и каждого, если народ питает к нему вражду и ненависть. Благоустроенные государства и мудрые государи принимали все меры к тому, чтобы не ожесточать знать и быть угодными народу, ибо это принадлежит к числу важнейших забот тех, кто правит.

В наши дни хорошо устроенным и хорошо управляемым государством является Франция. В ней имеется множество полезных учреждений, обеспечивающих свободу и безопасность короля, из которых первейшее – парламент с его полномочиями. Устроитель этой монархии, зная властолюбие и наглость знати, считал, что ее необходимо держать в узде; с другой стороны, зная ненависть народа к знати, основанную на страхе, желал оградить знать. Однако он не стал вменять это в обязанность королю, чтобы знать не могла обвинить его в потворстве народу, а народ – в покровительстве знати, и создал третейское учреждение, которое, не вмешивая короля, обуздывает сильных и поощряет слабых. Трудно вообразить лучший и более разумный порядок, как и более верный залог безопасности короля и королевства. Отсюда можно извлечь еще одно полезное правило, а именно: что дела, негодные подданным, государи должны возлагать на других, а угодные – исполнять сами. <...>

Здесь уместно заметить, что добрыми делами можно навлечь на себя ненависть точно так же, как и дурными, поэтому государь, как я уже говорил, нередко вынужден отступать от добра ради того, чтобы сохранить государство, ибо если та часть подданных, чьего расположения ищет государь, – будь то народ, знать или войско, – развращена, то и государю, чтобы ей угодить, приходится действовать соответственно, и в этом случае добрые дела могут ему повредить. <...>

Но вернемся к обсуждаемому предмету. Рассмотрев сказанное выше, мы увидим, что главной причиной гибели императоров была либо ненависть к ним, либо презрение. <...>

ГЛАВА XXI

КАК НАДЛЕЖИТ ПОСТУПАТЬ ГОСУДАРЮ, ЧТОБЫ ЕГО ПОЧИТАЛИ

Ничто не может внушить к государю такого почтения, как военные предприятия и необычайные поступки. <...>

Величию государя способствуют также необычайные распоряжения внутри государства, <...> иначе говоря, когда кто-либо совершает что-либо значительное в гражданской жизни, дурное или хорошее, то его полезно награждать или карать таким образом, чтобы это помнилось как можно дольше. Но самое главное для государя – постараться всеми своими поступками создать себе славу великого человека, наделенного умом выдающимся.

Государя уважают также, когда он открыто заявляет себя врагом или другом, т. е. когда он без колебаний выступает за одного против другого – это всегда лучше, чем стоять в стороне. Ибо когда двое сильных правителей вступают в схватку, то они могут быть таковы, что возможный победитель либо опасен для тебя, либо нет. В обоих случаях выгоднее открыто и решительно вступить в войну. <...>

И всегда недруг призывает отойти в сторону, тогда как друг зовет открыто выступить за него с оружием в руках. Нерешительные государи, как правило, выбирают невмешательство, чтобы избежать ближайшей опасности, и, как правило, это приводит их к крушению.

Зато если ты бесстрашно примешь сторону одного из воюющих и твой союзник одержит победу, то как бы ни был он могуществен и как бы ты от него ни зависел, он обязан тебе – люди же не настолько бесчестны, чтобы нанести удар союзнику, выказав столь явную неблагодарность. Кроме того, победа никогда не бывает полной в такой степени, чтобы победитель мог ни с чем не считаться и в особенности – мог поправить справедливость. Если же тот, чью сторону ты принял, проиграет войну, он примет тебя к себе и, пока сможет, будет тебе помогать, так что ты станешь собратом по несчастью тому, чье счастье, возможно, еще возродится.

Во втором случае, когда ни одного из воюющих не приходится опасаться, примкнуть к тому или к другому еще более благоразумно. Ибо с помощью одного ты разгромишь другого, хотя тому, будь он умнее, следовало бы спасать, а не губить противника; а после победы ты подчинишь союзника своей власти, он же благодаря твоей поддержке неминуемо одержит победу.

Здесь уместно заметить, что лучше избегать союза с теми, кто сильнее тебя, если к этому не понуждает необходимость. <...> Ибо в случае победы сильного союзника ты у него в руках, государи же должны остерегаться попадать в зависимость к другим государям. <...>

Государь должен также выказывать себя покровителем дарований, привечать одаренных людей, оказывать почет тем, кто отличился в каком-либо ремесле или искусстве. Он должен побуждать граждан спокойно предаваться торговле, земледелию и ремеслам, чтобы одни благоустроивали свои владения, не боясь, что эти владения у них отнимут, другие – открывали торговлю, не опасаясь, что их разорят налогами; более того, он должен располагать наградами для тех, кто заботится об украшении города или государства. Он должен также занимать народ празднествами и зрелищами в подходящее для этого время года. Уважая цехи, или трибы, на которые разделен всякий город, государь должен участвовать иногда в их собраниях и являть собой пример щедрости и великодушия, но при этом твердо блюсти свое достоинство и величие, каковые должны присутствовать в каждом его поступке.

ГЛАВА XXII О СОВЕТНИКАХ ГОСУДАРЕЙ

Немалую важность имеет для государя выбор советников, а каковы они будут, хороши или плохи, – зависит от благоразумия государей. Об уме правителя первым делом судят по тому, каких людей он к себе приближает; если это люди преданные и способные, то можно всегда быть уверенным в его мудрости, ибо он умел распознать их способности и удержать их преданность. Если же они не таковы, то и о государе заключают соответственно, ибо первую оплошность он уже совершил, выбрав плохих помощников. <...>

ГЛАВА XXIII КАК ИЗБЕЖАТЬ ЛЬСТЕЦОВ

<...> благоразумный государь должен избрать третий путь, а именно: отличив нескольких мудрых людей, им одним предоставить право высказывать все, что они думают, но только о том, что ты сам спрашиваешь, и ни о чем больше; однако спрашивать надо обо всем и выслу-

шивать ответы, решение же принимать самому и по своему усмотрению. На советах с каждым из советников надо вести себя так, чтобы все знали, что, чем безбоязненнее они выскажутся, тем более угодят государю; но вне их никого не слушать, а прямо идти к намеченной цели и твердо держаться принятого решения. <...>

Таким образом, государь всегда должен советоваться с другими, но только когда он того желает, а не когда того желают другие; и он должен осаживать всякого, кто вздумает, непрошенный, подавать ему советы. Однако сам он должен широко обо всем спрашивать, о спрошенном терпеливо выслушивать правдивые ответы и, более того, проявлять беспокойство, замечая, что кто-либо почему-либо опасается говорить ему правду. <...> правило, не знающее исключений, гласит: государю, который сам не обладает мудростью, бесполезно давать благие советы, если только такой государь случайно не доверится мудрому советнику, который будет принимать за него все решения. Но хотя подобное положение и возможно, ему скоро пришел бы конец, ибо советник сам сделался бы государем. Когда же у государя не один советник, то, не обладая мудростью, он не сможет примирить разноречивые мнения; кроме того, каждый из советников будет думать лишь о собственном благе, а государь этого не разглядит и не примет меры. Других же советников не бывает, ибо люди всегда дурны, пока их не принудит к добру необходимость. Отсюда можно заключить, что добрые советы, кто бы их ни давал, рождаются из мудрости государей, а не мудрость государей рождается из добрых советов.

Т. ГОББС

ЛЕВИАФАН, ИЛИ МАТЕРИЯ, ФОРМА И ВЛАСТЬ ГОСУДАРСТВА ЦЕРКОВНОГО И ГРАЖДАНСКОГО³

Гоббс Томас (1588—1679) – английский философ и политический мыслитель, автор трилогии «Основа философии» и трактата «Левиафан». Гоббс определял государство как «искусственное тело», создаваемое «общественным договором» из «естественного состояния», когда люди жили разобщенно и находились в состоянии «войны всех против всех». В результате общественного договора права отдельных граждан, добровольно ограничивающих свою свободу, были перенесены на государство, обеспечивающее мир и благополучие граждан. Общественный договор создает общество и государство одновременно. Общественный договор представляет собой объединение каждого с каждым; его посредством толпа людей превращается в организованное общество и образует единое лицо – государство, «воля которого в силу соглашения многих людей считается за волю их всех, с тем, чтобы государство могло распоряжаться силами и способностями отдельных членов в интересах общего мира и защиты». Т. Гоббс теоретически обосновал абсолютность власти суверена (которым может быть монарх, но может и весь народ) – согласно его трактату, свобода подданных состоит в праве действовать по своему усмотрению в тех случаях, на которые государством не установлено правил; во всех остальных ситуациях они должны повиноваться предписаниям суверена.

ЧАСТЬ II. О ГОСУДАРСТВЕ ГЛАВА XVII О ПРИЧИНАХ, ВОЗНИКНОВЕНИИ И ОПРЕДЕЛЕНИИ ГОСУДАРСТВА

Цель государства – главным образом обеспечение безопасности. Конечной причиной, целью или намерением людей (которые от природы любят свободу и господство над другими) при наложении на себя уз (которыми они связаны <...> живя в государстве) является забота о самосохранении и при этом о более благоприятной жизни. Иными словами, при установлении государства люди руководствуются стремлением избавиться от бедственного состояния войны, являющегося <...> необходимым следствием естественных страстей людей там, где нет видимой власти, держащей их в страхе и под угрозой наказания, принуждающей их к выполнению соглашений и соблюдению естественных законов. <...>

Каковая не гарантируется естественным законом. В самом деле, естественные законы (как справедливость, беспристрастие, скромность, милосердие и (в общем) поведение по отношению к другим так, как мы желали бы, чтобы поступали по отношению к нам) сами по себе, без страха перед какой-нибудь силой, заставляющей их соблюдать, противоречат естественным страстям, влекущим нас к пристрастию, гордости, мести и т. п. А соглашения без меча лишь слова, которые не в силах гарантировать человеку безопасность. Вот почему, несмотря на наличие естественных законов <...> каждый будет и может вполне законно применять свою физическую силу и ловкость, чтобы обезопасить себя от всех других людей, если нет установленной власти или власти достаточно сильной, чтобы обеспечить нам безопасность. И везде, где люди жили маленькими семьями, они грабили друг друга; это считалось настолько совместимым с естественным законом, что чем больше человек мог награть, тем больше это доставляло ему чести. В этих делах люди не соблюдали никаких других законов, кроме законов

³ Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. – М., 1991. Т. 2. С. 129—185.

чести, а именно они воздерживались от жестокости, оставляя людям их жизнь и сельскохозяйственные орудия. Как прежде маленькие семьи, так теперь города и королевства, являющиеся большими родами для собственной безопасности, расширяют свои владения под всяческими предложениями <...>. При этом они изо всех сил стараются подчинить и ослабить своих соседей грубой силой и тайными махинациями, и, поскольку нет других гарантий безопасности, они поступают вполне справедливо, и в веках их деяния вспоминают со славой.

Государство – это я.

Людвиг XIV

А также соединением небольшого количества людей или семейств. Гарантией безопасности не может служить также объединение небольшого числа людей, ибо малейшее прибавление к той или иной стороне доставляет ей такое большое преимущество в физической силе, которое вполне обеспечивает ей победу и потому поощряет к завоеванию. То количество сил, которому мы можем доверять нашу безопасность, определяется не каким-то числом, а отношением этих сил к силам врага; в таком случае для нашей безопасности достаточно, когда избыток сил на стороне врага не настолько велик, чтобы он мог решить исход войны и побудить врага к нападению.

Ни множеством людей, из которых каждый руководствуется собственным суждением. Пусть имеется какое угодно множество людей, однако если каждый будет руководствоваться в своих действиях лишь частными суждениями и стремлениями, они не могут ожидать защиты и покровительства ни от общего врага, ни от несправедливостей, причиненных друг другу. Ибо, будучи несогласными во мнениях относительно лучшего использования и применения своих сил, они не помогают, а мешают друг другу и взаимным противодействием сводят свои силы к нулю, вследствие чего они не только легко покоряются немногочисленному, но более сплоченному врагом, но и при отсутствии общего врага ведут друг с другом войну за свои частные интересы. В самом деле, если бы мы могли предположить, что большая масса людей согласна соблюдать справедливость и другие естественные законы при отсутствии общей власти, держащей их в страхе, то мы с таким же основанием могли бы предположить то же самое и относительно всего человеческого рода, и тогда не существовало бы, да и не было бы никакой необходимости в гражданском правлении или государстве, ибо тогда существовал бы мир без подчинения.

Что то и дело повторяется. Для безопасности, которую люди желали бы продлить на все время их жизни, недостаточно, чтобы они управлялись и направлялись единой волей в течение какого-то времени, например, в ходе одной битвы или войны. Ибо хотя они и одерживают победу против иноземного врага благодаря своим единодушным усилиям, однако потом, когда общего врага уже нет или когда одна партия считает врагом того, кого другая считает другом, они в силу различия своих интересов должны по необходимости разобщиться и снова быть ввергнутыми в междоусобную войну. <...>

Происхождение государства. Определение государства. Такая общая власть, которая была бы способна защищать людей от вторжения чужеземцев и от несправедливостей, причиняемых друг другу, и, таким образом, доставить им ту безопасность, при которой они могли бы кормиться от трудов рук своих и от плодов земли и жить в довольстве, может быть воздвигнута только одним путем, а именно путем сосредоточения всей власти и силы в одном человеке или в собрании людей, которое большинством голосов могло бы свести все воли граждан в единую волю. Иначе говоря, для установления общей власти необходимо, чтобы люди назначили одного человека или собрание людей, которые явились бы их представителями; чтобы каждый человек считал себя доверителем в отношении всего, что носитель общего лица будет делать сам или заставит делать других в целях сохранения общего мира и безопасности, и признал себя ответственным за это; чтобы каждый подчинил свою волю и суждение воли и

суждению носителя общего лица. Это больше, чем согласие или единодушие. Это реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения, заключенного каждым человеком с каждым другим таким образом, как если бы каждый человек сказал другому: *я уполномочиваю этого человека или это собрание лиц и передаю ему мое право управлять собой при том условии, что ты таким же образом передашь ему свое право и санкционируешь все его действия*. Если это совершилось, то множество людей, объединенное таким образом в одном лице, называется государством, по-латыни – *civitas*. Таково рождение того великого Левиафана или, вернее (выражаясь более почтительно), того смертного бога, которому мы под владычеством бессмертного Бога обязаны своим миром и своей защитой. Ибо благодаря полномочиям, отданным ему каждым отдельным человеком в государстве, указанный человек или собрание лиц пользуется такой огромной сосредоточенной в нем силой и властью, что внушаемый этой силой и властью страх делает этого человека или это собрание лиц способным направлять волю всех людей к внутреннему миру и к взаимной помощи против внешних врагов. В этом человеке или собрании лиц состоит сущность государства, которая нуждается в следующем определении: государство есть *единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты*.

Что такое суверен и подданный. Тот, кто является носителем этого лица, называется *сувереном*, и о нем говорят, что он обладает *верховой властью*, а всякий другой является *подданным*.

Всякий народ имеет такое правительство, какого заслуживает.

Жозеф де Местр

Для достижения верховной власти имеются два пути. Один – это физическая сила, например, когда кто-нибудь заставляет своих детей подчиниться своей власти под угрозой погубить их в случае отказа или когда путем войны подчиняют своей воле врагов, даруя им на этом условии жизнь. Второй – это добровольное соглашение людей подчиниться человеку или собранию людей в надежде, что этот человек или это собрание сумеют защитить их против всех других. Такое государство может быть названо политическим государством, или государством, основанным на *установлении*, а государство, основанное первым путем, – государством, основанным на *приобретении*. <...>

ГЛАВА XIX

О РАЗЛИЧНЫХ ВИДАХ ГОСУДАРСТВ, ОСНОВАННЫХ НА УСТАНОВЛЕНИИ, И О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ

Различных форм государства может быть только три. Различие государств заключается в различии суверена, или лица, являющегося представителем всех и каждого из массы людей. А так как верховная власть может принадлежать или одному человеку, или собранию большого числа людей, а в этом собрании могут иметь право участвовать или каждый, или лишь определенные люди, отличающиеся от остальных, то отсюда ясно, что могут быть лишь три вида государства. Ибо представителем должны быть или один человек, или большее число людей, а это – собрание или всех, или только части. Если представителем является один человек, тогда государство представляет собой *монархию*; если – собрание всех, кто хочет участвовать, тогда это *демократия*, или народоправство; а если верховная власть принадлежит собранию лишь части горожан, тогда это *аристократия*. Других видов государства не может быть, ибо или

один, или многие, или все имеют верховную власть (неделимость которой я показал) целиком.
<...>

ЛЖ. ЛОКК. ДВА ТРАКТАТА О ПРАВЛЕНИИ⁴

Локк Джон (1632—1704) – английский философ и политик. Возражая против учения Т. Гоббса об абсолютном, неограниченном характере государственной власти, Локк доказывал, что основной обязанностью государства, возникшего на основе общественного договора, является соблюдение «естественного права», защита собственности граждан. В понятие собственности Локк включал жизнь, свободу и имущество. Государство, по Локку, получает от людей ровно столько власти, сколько необходимо для достижения главной цели политического сообщества – реализовать свои гражданские идеи и прежде всего право владеть собственностью. В государстве никто и ничто не может находиться вне подчинения законам и законности.

Реализация «главной и великой цели» политического общества непременно требует, по Локку, чтобы полномочия государства были четко разграничены и поделены между разными его органами. Полномочие принимать законы (законодательная власть) полагается только представительному учреждению всей нации – парламенту. Применять законы для разрешения споров и установления справедливости надлежит независимым судьям. Претворять законы и судебные решения в жизнь (исполнительная власть) подобает монарху, кабинету министров. Их дело ведать также сношениями с иностранными государствами. Эти воззрения английского мыслителя легли в основу доктрины разделения властей и конституционализма.

КНИГА ВТОРАЯ ГЛАВА II О ЕСТЕСТВЕННОМ СОСТОЯНИИ

4. Для правильного понимания политической власти и определения источника ее возникновения мы должны рассмотреть, в каком естественном состоянии находятся все люди, а это – *состояние полной свободы* в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы, не испрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли.

Это также *состояние равенства*, при котором вся власть и вся юрисдикция являются взаимными, – никто не имеет больше другого. Нет ничего более очевидного, чем то, что существа одной и той же породы и вида, при своем рождении без различия получая одинаковые природные преимущества и используя одни и те же способности, должны также быть равными между собой без какого-либо подчинения или подавления, если только господь и владыка их всех каким-либо явным проявлением своей воли не поставит одного над другим и не облечет его посредством явного и определенного назначения бесспорным правом на господство и верховную власть.

ГЛАВА III О СОСТОЯНИИ ВОЙНЫ

16. *Состояние войны* есть состояние вражды и разрушения. И следовательно, сообщая словом или действием не об опрометчивом и поспешно принятом, но о продуманном и твердом решении лишить жизни другого человека, сделавший это *вовлекает себя в состояние войны* с

⁴ Локк Дж. Сочинения: В 3 т. – М., 1988. Т. 3. С. 263—338.

тем, в отношении кого он заявил о подобном намерении, и, таким образом, подвергает свою собственную жизнь опасности со стороны другого или всякого, кто будет помогать тому защищаться и примет его сторону. Вполне здраво и справедливо, чтобы я обладал правом уничтожить то, что угрожает мне уничтожением. Ибо *по основному закону природы* нужно стремиться *оберегать человека* насколько возможно; когда нельзя уберечь всех, то необходимо в первую очередь думать о безопасности невинных. И человек может уничтожить того, кто с ним воюет или проявляет враждебность по отношению к нему и является угрозой для его существования, по той же причине, по которой он может убить *волка* или *льва*; ведь люди эти не связаны узами общего закона разума, ими руководят только сила и насилие, и, следовательно, их можно рассматривать как хищных зверей, как опасных и вредных существ, которые несомненно уничтожат человека, как только он окажется в их власти.

**Обязанность правительства – создавать такие условия, чтобы
людям было трудно совершать дурное и легко поступать правильно.
Уильям Гладстон**

17. Отсюда следует, что тот, кто пытается полностью подчинить другого человека своей власти, тем самым *вовлекает себя в состояние войны* с ним; это следует понимать как объявление об умысле против его жизни. Ибо у меня имеется основание заключить, что тот, кто хочет подчинить меня своей власти без моего согласия, будет поступать со мной, добившись своего, как ему заблагорассудится, и может даже уничтожить меня, если у него будет такая прихоть; ведь никто не может желать *иметь меня в своей неограниченной власти*, если только он не собирается принудить меня силой к тому, что противоречит праву моей свободы, т. е. сделать меня рабом. Быть свободным от подобной силы является единственным залогом моего сохранения; и разум побуждает меня смотреть на него как на врага моей безопасности, который стремится отнять у меня *свободу*, обеспечивающую ее; таким образом, тот, кто *пытается поработить меня*, тем самым ставит себя и состояние войны со мной. Того, кто в естественном состоянии *пожелал бы отнять свободу*, которой обладает всякий в этом состоянии, по необходимости следует считать умышляющим отнять и все остальное, поскольку свобода является основанием всего остального. Подобным же образом того, кто в общественном состоянии пожелал бы отнять *свободу*, принадлежащую членам этого общества или государства, следует подозревать в умысле отнять у них и все остальное и, таким образом, считать находящимися *в состоянии войны*.

ГЛАВА VII О ПОЛИТИЧЕСКОМ ИЛИ ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

<...> 87. Человек рождается, как было уже доказано, имея право на полную свободу и неограниченное пользование всеми правами и привилегиями естественного закона в такой же мере, как всякий другой человек или любые другие люди в мире, и он по природе обладает властью не только охранять свою собственность, т. е. свою жизнь, свободу и имущество, от повреждений и нападений со стороны других людей, но также судить и наказывать за нарушение этого закона других, как того заслуживает, по его убеждению, данное преступление, даже смертью, в тех случаях, когда гнусность поступка, по его мнению, этого требует. Но поскольку ни одно *политическое общество* не может ни быть, ни существовать, не обладая само правом охранять собственность и в этих целях наказывать преступления всех членов этого общества, то *политическое общество* налицо там, и только там, где каждый из его членов отказался от этой естественной власти, передав ее в руки общества во всех случаях, которые не препятствуют ему обращаться за защитой к закону, установленному этим обществом. И таким образом, всякий частный суд каждого отдельного члена исключается, и общество становится тре-

тейским судьей, устанавливая постоянные правила, беспристрастные и одни и те же для всех сторон, и с помощью людей, получивших от общества полномочия проводить в жизнь эти правила, разрешает все разногласия, которые могут возникнуть между любыми членами этого общества в отношении всякого правового вопроса, равно как и наказывает те преступления, которые любой член общества совершил по отношению к обществу, такими карами, которые установлены законом. Вследствие этого легко различить, кто находится и кто не находится вместе в *политическом обществе*. Те, кто объединен в одно целое и имеет общий установленный закон и судебное учреждение, куда можно обращаться и которое наделено властью разрешать споры между ними и наказывать преступников, *находятся в гражданском обществе*, но те, кто не имеет такого общего судилища <...> все еще находятся в естественном состоянии. <...>

88. Таким образом, государство получает власть устанавливать, какое наказание должно полагаться за различные нарушения <...> и какие нарушения того заслуживают (это есть *законодательная власть*), так же как оно обладает властью наказывать за ущерб, нанесенный любому из его членов любым из тех, кто не входит в это общество (это *власть* решать вопросы *войны и мира*), и все это для сохранения собственности всех членов общества, насколько это возможно. Но хотя каждый человек, вступивший в гражданское общество и ставший членом какого-либо государства, тем самым отказался от своей власти наказывать преступления против закона природы и осуществлять свое собственное частное правосудие, все же вместе с правом судить за преступления, которое он передал законодательной власти во всех случаях, когда он может обратиться к суду, он дал право государству употреблять его силу для исполнения приговоров государства в тех случаях, когда его к этому призовут: ведь эти приговоры являются его собственными. <...> И здесь мы имеем первоначально *законодательной и исполнительной власти* гражданского общества. <...>

89. Следовательно, когда какое-либо число людей так объединено в одно общество, что каждый из них отказывается от своей исполнительной власти, присущей ему по закону природы, и передает ее обществу, то тогда, и только тогда, существует *политическое, или гражданское, общество*. <...> И это *переносит людей* из естественного состояния в *государство*, поскольку на земле появляется судья, имеющий власть разрешать все споры и возмещать любой ущерб, который может быть нанесен любому члену государства. <...> В тех же случаях, когда есть какое-то число людей, хотя бы и связанных между собой, но не имеющих такой принимающей решения власти, к которой они могли бы обратиться, они все еще находятся в *естественном состоянии*.

90. Отсюда очевидно, что *абсолютная монархия*, которую некоторые считают единственной формой правления в мире, на самом деле *несовместима с гражданским обществом* и, следовательно, не может вообще быть формой гражданского правления. Ведь *цель гражданского общества* состоит в том, чтобы избегать и возмещать те неудобства естественного состояния, которые неизбежно возникают из того, что каждый человек является судьей в своем собственном деле. <...> В тех случаях, когда существуют какие-либо лица, не имеющие такого органа, к которому они могли бы обратиться для разрешения каких-либо разногласий между ними, эти лица все еще находятся в *естественном состоянии*. И в таком состоянии находится каждый *абсолютный государь* в отношении тех, кто ему *подвластен*.

«Разделяй и властвуй» – мудрое правило; но «объединяй и направляй» – еще лучше.

И. В. Гете

<...> 93. В самом деле, в *абсолютных монархиях*, так же как и при других формах правления, существующих в мире, подданные имеют право обращаться к закону, а судьи вольны разрешать любые споры и сдерживать любое насилие, которое может проявиться среди самих подданных. <...> Ведь стоит только спросить, какая защита, какое *ограждение* существует в

подобном состоянии *против насилия и угнетения со стороны этого абсолютного владыки*. Самый вопрос уже вряд ли является допустимым. Они готовы ответить вам, что за самую просьбу о безопасности полагается смерть. Между подданным и подданным, согласятся они, должны существовать правила, законы и судьи ради их взаимного мира и безопасности. Но во всем, что касается *правителя*, он должен быть *абсолютным* и он выше всех подобных обстоятельств <...>. Если вы спросите, как можно защититься от вреда или ущерба с той стороны, откуда творит их эта самая сильная десница, то это сочтут голосом крамолы и мятежа. <...> Это все равно что думать, будто люди настолько глупы, что они стараются избежать вреда от *хорьков или лис*, но довольны и даже считают себя в безопасности, когда их пожирают *львы*.

94. Но что бы ни болтали льстецы с целью отвлечь умы людей, это не мешает людям чувствовать; и когда они замечают, что какой-либо человек, независимо от того, какое положение он занимает, вышел из границ гражданского общества <...> и что им не к кому обратиться на земле за защитой от того зла, которое он им может причинить, то они начинают думать, что сами находятся в естественном состоянии по отношению к тому человеку. <...> *Ни для одного человека, находящегося в гражданском обществе, не может быть сделано исключения из законов этого общества.*

ГЛАВА VIII О ВОЗНИКНОВЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ

95. Поскольку люди являются, как уже говорилось, по природе свободными, равными и независимыми, то никто не может быть выведен из этого состояния и подчинен политической власти другого без своего собственного *согласия*. Единственный путь, посредством которого кто-либо отказывается от своей естественной свободы и *надевает на себя узы гражданского общества*, – это соглашение с другими людьми об объединении в сообщество для того, чтобы удобно, благополучно и мирно совместно жить, спокойно пользуясь своей собственностью и находясь в большей безопасности, чем кто-либо не являющийся членом общества. Это может сделать любое число людей, поскольку здесь нет ущерба для свободы остальных людей, которые, как и прежде, остаются в естественном состоянии свободы. Когда какое-либо число людей таким образом *согласилось создать сообщество или государство*, то они тем самым уже объединены и составляют *единый политический организм*, в котором *большинство* имеет право действовать и решать за остальных.

96. Ведь когда какое-либо число людей создало с согласия каждого отдельного лица *сообщество*, то они тем самым сделали это *сообщество* единым организмом, обладающим правом выступать как единый организм, что может происходить только по воле и решению *большинства*. Ведь то, что приводит в действие какое-либо сообщество, есть лишь согласие составляющих его лиц, а поскольку то, что является единым целым, должно двигаться в одном направлении, то необходимо, чтобы это целое двигалось туда, куда его влечет большая сила, которую составляет *согласие большинства*: в противном случае оно не в состоянии выступать как единое целое или продолжать оставаться единым целым, *единым сообществом* <...> и, таким образом, каждый благодаря этому согласию обязан подчиняться *большинству*. <...>

97. И таким образом, каждый человек, согласившись вместе с другими составить единый политический организм, подвластный одному правительству, берет на себя перед каждым членом этого сообщества обязательство подчиняться решению *большинства* и считать его окончательным; в противном же случае этот *первоначальный договор*, посредством которого он вместе с другими вступил в одно общество, не будет что-либо значить и вообще не будет договором <...>. Какое это будет новое обязательство, если человек будет связан любыми постановлениями общества лишь постольку, поскольку он сам это считает удобным <...>? Ведь тогда он будет все еще пользоваться такой же свободой, <...> какой пользуется человек, находящийся

в естественном состоянии, который может побудить себя и согласиться на любые действия, если он считает их подходящими для себя.

ГЛАВА IX

О ЦЕЛЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРАВЛЕНИЯ

123. Если человек в естественном состоянии так свободен, как об этом говорилось, если он абсолютный господин своей собственной личности и владений, равный самым великим людям и никому не подчиненный, то почему расстается он со своей свободой, почему отказывается он от этой империи и подчиняет себя власти и руководству какой-то другой силы? На это напрашивается самый очевидный ответ, что хотя в естественном состоянии он обладает подобным правом, но все же пользование им весьма ненадежно и ему постоянно угрожает посягательство других. Ведь, поскольку все являются властителями в такой же степени, как и он сам, поскольку каждый человек ему равен, а большая часть людей не особенно строго соблюдает равенство и справедливость, постольку пользование собственностью, которую он имеет в этом состоянии, весьма небезопасно, весьма ненадежно. Это побуждает его с готовностью отказаться от такого состояния, которое хотя и является свободным, но полно страхов и непрерывных опасений <...>.

Государство существует не для того, чтобы превращать земную жизнь в рай, а для того, чтобы помешать ей окончательно превратиться в ад.

Владимир Соловьев

124. Поэтому-то великой и *главной целью* объединения людей в государства и передачи ими себя под власть правительства *является сохранение их собственности*. А для этого в естественном состоянии не хватает многого.

Во-первых, не хватает *установленного*, определенного, известного закона, который был бы признан и допущен по общему согласию в качестве нормы справедливости и несправедливости и служил бы тем общим мериллом, при помощи которого разрешались бы между ними все споры. <...>

125. *Во-вторых*, в естественном состоянии не хватает *знающего и беспристрастного судьи*, который обладал бы властью разрешать все затруднения в соответствии с установленным законом. <...>

126. *В-третьих*, в естественном состоянии часто недостает силы, которая могла бы подкрепить и поддержать справедливый приговор и *привести* его в *исполнение*. Те, кто совершает какую-либо несправедливость, вряд ли удержатся от того, чтобы силой настоять на своем, когда они в состоянии это сделать; подобное сопротивление часто делает наказание опасным и нередко гибельным для тех, кто пытается его осуществить.

Вы можете не заниматься политикой, все равно политика занимается вами.

III. Монталамбер

127. Таким образом, люди, несмотря на все преимущества естественного состояния, находятся в скверных условиях, пока они в нем пребывают, и быстро вовлекаются в общество. Вот почему получается так, что мы редко видим, чтобы какое-либо количество людей сколько-нибудь длительное время жило вместе в этом состоянии. Неудобства, которым они при этом подвергаются в результате беспорядочного и ненадлежащего применения власти, которой обладает каждый человек для наказания проступков других, вынуждают их искать убежища под сенью установленных правительством законов, и здесь они стремятся найти *сохранение своей собственности*. Именно это побуждает их столь охотно отказываться от того индивиду-

ального права на наказание, которым обладает каждый, для того чтобы оно осуществлялось только тем из них, кто будет назначен на это, и посредством тех законов, о которых согласится сообщество или уполномоченные на то лица. И вот это-то является первоначальным *правом и источником как законодательной, так и исполнительной власти*, а равно и самих правительств и обществ.

М. ВЕБЕР. ПОЛИТИКА КАК ПРИЗВАНИЕ И ПРОФЕССИЯ⁵

Вебер Макс (1864—1920) – один из основателей и крупнейших представителей современных социологии и политологии. Вебера нередко называли «Марксом буржуазии». Вебер создал глубокую теорию государства и власти. Власть он определял как «возможность того, что одно лицо внутри социального отношения будет в состоянии осуществить волю, несмотря на сопротивление и независимо от того, на чем такая возможность основана». Вебер особое внимание обратил на простой, казалось бы, вопрос: почему люди повинуются власти? Для обозначения внутреннего основания господства он ввел термин «легитимность» и установил основные типы легитимности. Концепция легитимности, то есть добровольного согласия людей подчиняться, играла и играет в политической науке огромную роль. Хотя веберовское понимание государства как аппарата легитимного насилия отличается от ленинской формулы всего одним словом, это слово существенно – ведь не всякий аппарат насилия есть государство.

Статья «Политика как призвание и профессия» написана на основе лекции, прочитанной ученым примерно за год до смерти в потерпевшей страшное поражение, голодной и разоренной Германии. Этот итог многолетних размышлений о сути политики и призвании политического деятеля завершается важными словами: «Политика есть мощное медленное бурение твердых пластов, проводимое одновременно со страстью и холодным глазомером... весь исторический опыт подтверждает, что возможного нельзя было бы достичь, если бы в мире снова и снова не тянулись к невозможному».

В соответствии с вашим пожеланием я должен сделать доклад, который, однако, непременно разочарует вас в нескольких отношениях. <...> Из сегодняшнего доклада как раз должны быть исключены все вопросы, относящиеся к тому, *какую политику следует* проводить, какое, таким образом, *содержание следует* придавать своей политической деятельности. Ибо они не имеют никакого отношения к общему вопросу: что есть и что может означать политика как призвание и профессия. Итак, к делу!

Что мы понимаем под политикой? Это понятие имеет чрезвычайно широкий смысл и охватывает все виды деятельности по самостоятельному *руководству*. Говорят о валютной политике банков, о дисконтной политике Имперского банка, о политике профсоюза во время забастовки; можно говорить о школьной политике городской или сельской общины, о политике правления, руководящего корпорацией, наконец, даже о политике умной жены, которая стремится управлять своим мужем.

Когда мы говорим о состоянии нынешнего государства, нам надо его оценивать не с точки зрения, насколько мы усилились и укрепились относительно 1999 года, а где бы мы были, если бы тенденции 1999 года продолжались. Совершенно очевидно, что нас просто не было бы. Вообще. Яма была бы на этом месте. Большая вонючая яма («Росія», 07.10.2004).

Михаил Леонтьев, политический обозреватель

⁵ Статья-лекция «Политика как призвание и профессия» цитируется по «Избранным произведениям» (М., 1990. С. 643—705).

Конечно, сейчас мы не берем столь широкое понятие за основу наших рассуждений. Мы намереваемся в данном случае говорить только о руководстве или оказании влияния на руководство *политическим союзом*, то есть в наши дни – *государством*.

Но что есть «политический» союз с точки зрения социологического рассуждения? Что есть «государство»? Ведь государство нельзя социологически определить, исходя из содержания его деятельности. Почти нет таких задач, выполнение которых политический союз не брал бы в свои руки то здесь, то там; с другой стороны, нет такой задачи, о которой можно было бы сказать, что она во всякое время полностью, то есть *исключительно*, присуща тем союзам, которые называют «политическими», то есть в наши дни – государствам, или союзам, которые исторически предшествовали современному государству. Напротив, дать социологическое определение современного государства можно, в конечном счете, только исходя из специфически применяемого им, как и всяким политическим союзом, *средства* – физического насилия. «Всякое государство основано на насилии», – говорил в свое время *Троцкий* в Брест-Литовске. И это действительно так. Только если бы существовали социальные образования, которым было бы неизвестно насилие как средство, *тогда* отпало бы понятие «государства», *тогда* наступило бы то, что в особом смысле слова можно было бы назвать «анархией». Конечно, насилие отнюдь не является нормальным или единственным средством государства – об этом нет и речи, – но оно, пожалуй, специфическое для него средство. Именно в наше время отношение государства к насилию особенно интимно. В прошлом различным союзам – начиная с рода – физическое насилие было известно как совершенно нормальное средство. В противоположность этому сегодня мы должны будем сказать: государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области – «область» включается в признак! – претендует (с успехом) на монополию *легитимного физического насилия*. Ибо для нашей эпохи характерно, что право на физическое насилие приписывается всем Другим союзам или отдельным лицам лишь настолько, насколько *государство* со своей стороны допускает это насилие: единственным источником «права» на насилие считается государство.

Понятие государства предполагает понятие политического. Определить понятие политического можно, лишь обнаружив и установив специфически политические категории. Согласимся, что в области морального последние различия суть «доброе» и «злое»; в эстетическом – «прекрасное» и «безобразное»; в экономическом – «полезное» и «вредное». Специфически политическое различие, к которому можно свести политические действия и мотивы, – это различие друга и врага. Смысл различия друга и врага состоит в том, чтобы обозначить высшую степень интенсивности соединения или разделения людей. Не нужно, чтобы политический враг был морально зол, не нужно, чтобы он был эстетически безобразен, не должен он непременно оказаться хозяйственным конкурентом, а может быть, даже окажется и выгодно вести с ним дела. Он есть именно иной, чужой, и для существа его довольно и того, что он в особенно интенсивном смысле есть нечто иное и чуждое, так что в экстремальном случае возможны конфликты с ним, которые не могут быть разрешены ни предпринятым заранее установлением всеобщих норм, ни приговором «непричастного» и потому «беспристрастного» третьего.

Карл Шмитт, немецкий юрист и философ

Итак, «политика», судя по всему, означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе заключает.

В сущности, такое понимание соответствует и словоупотреблению. Если о каком-то вопросе говорят: это «политический» вопрос, о министре или чиновнике: это «политический» чиновник, о некотором решении: оно «политически» обусловлено, – то тем самым всегда подразумевается, что интересы распределения, сохранения, смещения власти являются определяющими для ответа на указанный вопрос, или обуславливают это решение, или определяют сферу деятельности соответствующего чиновника. Кто занимается политикой, тот стремится к власти: либо к власти как средству, подчиненному другим целям (идеальным или эгоистическим), либо к власти «ради нее самой», чтобы наслаждаться чувством престижа, которое она дает.

Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение *господства* людей над людьми, опирающееся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство. Таким образом, чтобы оно существовало, люди, находящиеся под господством, должны *подчиняться* авторитету, на который претендуют те, кто теперь господствует. Когда и почему они так поступают? Какие внутренние основания для оправдания господства и какие внешние средства служат ему опорой?

В принципе имеется три вида внутренних оправданий, то есть оснований *легитимности* (начнем с них). Во-первых, это авторитет «вечно вчерашнего»: авторитет *нравов*, освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение, – «традиционное» господство, как его осуществляли патриарх и патримониальный князь старого типа. Далее, авторитет внеобыденного личного *дара* (харизма), полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств вождя у какого-то человека: откровений, героизма и других, – харизматическое господство как его осуществляют пророк, или – в области политического – избранный князьвоеначальник, или плебисцитарный властитель, выдающийся демагог и политический партийный вождь. Наконец, господство в силу «легальности», в силу веры в обязательность легального *установления* и деловой «компетентности», обоснованной рационально созданными правилами, то есть ориентации на подчинение при выполнении установленных правил – господство в том виде, в каком его осуществляют современный «государственный служащий» и все те носители власти, которые похожи на него в этом отношении. Понятно, что в действительности подчинение обуславливают чрезвычайно грубые мотивы страха и надежды – страха перед мезью магических сил или властителя, надежды на потустороннее или посюстороннее вознаграждение – и вместе с тем самые разнообразные интересы. К этому мы сейчас вернемся. Но если пытаться выяснить, на чем основана «легитимность» такой покорности, тогда, конечно, столкнешься с указанными тремя ее «чистыми» типами. А эти представления о легитимности и их внутреннее обоснование имеют большое значение для структуры господства. Правда, чистые типы редко встречаются в действительности. Но сегодня мы не можем позволить себе детальный анализ крайне запутанных изменений, переходов и комбинаций этих чистых типов: это относится к проблемам «общего учения о государстве».

В данном случае нас интересует прежде всего второй из них: господство, основанное на преданности тех, кто подчиняется чисто личной «харизме» «вождя». Ибо здесь коренится мысль о *призвании* в его высшем выражении. Преданность харизме пророка или вождя на войне, или выдающегося демагога в народном собрании или в парламенте как раз и означает, что человек подобного типа считается внутренне «призванным» руководителем людей, что последние подчиняются ему не в силу обычая или установления, но потому, что верят в него. Правда, сам «вождь» живет своим делом, «жаждет свершить свой труд», если только он не ограниченный и тщеславный выскочка. Именно к личности вождя и ее качествам относится преданность его сторонников: апостолов, последователей, только ему преданных партийных

приверженцев. В двух важнейших в прошлом фигурах: с одной стороны, мага и пророка, с другой – избранного князя-военачальника, главаря банды, кондотьера – вождизм как явление встречается во все исторические эпохи и во всех регионах. Но особенностью Запада, что для нас более важно, является *политический* вождизм в образе сначала свободного «демагога», существовавшего на почве города-государства, характерного только для Запада, и прежде всего для средиземноморской культуры, а затем – в образе парламентского «партийного вождя», выросшего на почве конституционного государства, укорененного тоже лишь на Западе.

Конечно, главными фигурами в механизме политической борьбы не были одни только политики в силу их «призвания» в собственном смысле этого слова. Но в высшей степени решающую роль здесь играет тот род вспомогательных средств, которые находятся в их распоряжении. Как политически господствующие силы начинают утверждаться в своем государстве? Данный вопрос относится ко всякого рода господству <...>: к традиционному, равно как и к легальному, и к харизматическому.

Любое господство как предприятие, требующее постоянного управления, нуждается, с одной стороны, в установке человеческого поведения на подчинение господам, притязаящим быть носителями легитимного насилия, а с другой стороны – посредством этого подчинения – в распоряжении теми вещами, которые в случае необходимости привлекаются для применения физического насилия: личный штаб управления и вещественные средства управления.

Штаб управления, представляющий во внешнем проявлении предприятие политического господства, как и всякое другое предприятие, прикован к властелину, конечно, не одним лишь представлением о легитимности, о котором только что шла речь. Его подчинение вызвано двумя средствами, апеллирующими к личному интересу: материальным вознаграждением и социальным почетом. Лены вассалов, доходные должности наследственных чиновников, жалованье современных государственных служащих, рыцарская честь, сословные привилегии, престиж чиновников образуют вознаграждение, а страх потерять их – последнюю решающую основу солидарности штаба управления с властелином. Это относится и к господству харизматического вождя: военные почести и добыча военной дружины, «spoils»⁶: эксплуатация тех, кто находится под господством, благодаря монополии на должности, политически обусловленная прибыль и удовлетворенное тщеславие для свиты демагога.

<...> для сохранения любого насильственного господства требуются определенные внешние материальные средства. Теперь все государственные устройства можно разделить в соответствии с тем принципом, который лежит в их основе: либо этот штаб – чиновников или кого бы то ни было, на чье послушание должен иметь возможность рассчитывать обладатель власти, – является самостоятельным *собственником* средств управления <...>; либо штаб управления «отделен» от средств управления в таком же смысле, в каком служащие и пролетариат внутри современного капиталистического предприятия «отделены» от вещественных средств производства. То есть либо обладатель власти управляет *самостоятельно* и за *свой счет* организуя управление через личных слуг, или штатных чиновников, или любимцев и доверенных, которые не суть собственники (полномочные владельцы) вещественных средств предприятия, но направляются сюда господином, либо же имеет место прямо противоположное. Это различие проходит через все управленческие организации прошлого.

<...> в современном государстве все средства политического предприятия фактически сосредоточиваются в распоряжении единственной высшей инстанции. Ни один чиновник не является больше собственником денег, которые он тратит, или зданий, запасов, инструментов, военной техники, которыми он распоряжается. Таким образом, в современном «государстве» полностью реализовано (и это существенно для его понятия) «отделение» штаба управления –

⁶ Распределение государственных должностей среди сторонников победившей партии (англ.). – Прим. перев. «Избранных произведений».

управляющих чиновников и работников управления – от вещественных средств предприятия. <...> Для нашего рассмотрения я фиксирую момент чисто *понятийный*: современное государство есть организованный по типу учреждения союз господства, который внутри определенной сферы добился успеха в монополизации легитимного физического насилия как средства господства и с этой целью объединил вещественные средства предприятия в руках своих руководителей, а всех сословных функционеров с их полномочиями, которые раньше распоряжались этим по собственному произволу, экспроприировал и сам занял вместо них самые высшие позиции.

В ходе политического процесса экспроприации, который с переменным успехом разыгрывался в разных странах мира, выступили, правда, сначала на службе у князя, первые категории «профессиональных политиков» *во втором смысле*, то есть людей, которые не хотели сами быть господами, как харизматические вожди, но поступили *на службу* политическим господам. В этой борьбе они предоставили себя в распоряжение князьям и сделали из проведения их политики, с одной стороны, доходный промысел, с другой стороны, обеспечили себе идеальное содержание своей жизни. Подчеркнем, что *лишь* на Западе мы находим *этот* род профессиональных политиков на службе не только князей, но и других сил. <...>

Прежде чем заняться рассмотрением таких «профессиональных политиков» более подробно, надо всесторонне и однозначно выяснить, что представляет собой их существование.

<...> Чтобы некто в экономическом смысле мог бы жить «для» политики, при господстве частнособственнического порядка должны наличествовать некоторые, если угодно, весьма тривиальные предпосылки: в нормальных условиях он должен быть независимым от доходов, которые может принести ему политика. Следовательно, он просто должен быть состоятельным человеком или же как частное лицо занимать такое положение в жизни, которое приносит ему достаточный постоянный доход. Так по меньшей мере обстоит дело в нормальных условиях. Правда, дружина князя-военачальника столь же мало озабочена условиями нормального хозяйствования, как и свита революционного героя улицы. Оба живут добычей, грабежом, конфискациями, контрибуциями, навязыванием ничего не стоящих принудительных средств платежа – что, в сущности, одно и то же. Но это необходимо внеобыденные явления: при обычном хозяйстве доходы приносит только собственное состояние. Однако одного этого недостаточно: тот, кто живет «для» политики, должен быть к тому же хозяйственно «обходим», то есть его доходы не должны зависеть от того, что свою рабочую силу и мышление он лично полностью или самым широким образом постоянно использует для получения своих доходов. Безусловно «обходим» в этом смысле рантье, то есть тот, кто получает совершенно незаработанный доход, будь то земельная рента <...>, будь то доход от ценных бумаг или из других современных источников ренты. Ни рабочий, ни – на что следует обратить особое внимание – предприниматель, в том числе и *именно* современный крупный предприниматель, не являются в этом смысле «обходимыми». Ибо и предприниматель, и *именно* предприниматель <...> привязан к своему предприятию и необходим. В большинстве случаев он с трудом может хотя бы на время позволить заместить себя. <...> Легче уже заместить адвоката, чисто по производственно-техническим причинам, и поэтому в качестве профессионального политика он играл несравненно более значительную, иногда прямо-таки господствующую роль. Мы не собираемся дальше проследивать подобную казуистику, но проясним для себя некоторые следствия.

Если государством или партией руководят люди, которые (в экономическом смысле слова) живут исключительно для политики, а не за счет политики, то это необходимо означает «плутократическое» рекрутирование политических руководящих слоев. <...> Но сказанное означает только, что неплутократическое рекрутирование политических соискателей, вождей и свиты связано с само собой разумеющейся предпосылкой, что они получают регулярные и надежные доходы от предприятия политики. Руководить политикой можно либо в порядке

«почетной деятельности», и тогда ею занимаются <...> состоятельные, прежде всего имеющие ренту люди. Или же к политическому руководству допускаются неимущие, и тогда они должны получать вознаграждение. Профессиональный политик, живущий за счет политики <...> либо извлекает доходы из пошлин и сборов за определенные обязательные действия – чаевые и взятки представляют собой лишь одну, нерегулярную и формально нелегальную разновидность этой категории доходов, – или получает твердое натуральное вознаграждение, или денежное содержание, или то и другое вместе. Руководитель политикой может приобрести характер «предпринимателя», как кондотьер <...> как американский босс, расценивающий свои издержки как капиталовложение, из которого он, используя свое влияние, сумеет извлечь доход. Либо же такой политик может получать твердое жалованье как редактор, или партийный секретарь, или современный министр, или политический чиновник. <...> *Все* партийные битвы суть не только битвы ради предметных целей, но прежде всего также и за патронаж над должностями. <...>

Однако ныне указанной тенденции противостоит развитие и превращение современного чиновничества в совокупность трудящихся, высококвалифицированных специалистов духовного труда, профессионально вышколенных многолетней подготовкой, с высокоразвитой сословной честью, гарантирующей безупречность, без чего возникла бы роковая опасность чудовищной коррупции <...>, а это бы ставило под угрозу чисто техническую эффективность государственного аппарата <...>. Эту тенденцию обуславливают чисто технические, неизбежные потребности управления. В Европе профессиональное чиновничество, организованное на началах разделения труда, постепенно возникло в ходе полутысячелетнего развития. Начало его формированию положили итальянские города и сеньории, а среди монархий – государства норманнских завоевателей. Решающий шаг был сделан в управлении княжескими *финансами*. <...> Развитие военной техники обусловило появление профессионального офицера, совершенствование судопроизводства – вышколенного юриста. В этих трех областях профессиональное чиновничество одержало окончательную победу в развитых государствах в XVI в. Тем самым одновременно с возвышением княжеского абсолютизма над сословиями происходила постепенная передача княжеского самовластия профессиональному чиновничеству <...>.

Одновременно с подъемом вышколенного *чиновничества* возникали также – хотя это совершалось путем куда более незаметных переходов – «руководящие *политики*». Конечно, такие фактически главенствующие советники князей существовали с давних пор во всем мире. На Востоке потребность по возможности освободить султана от бремени личной ответственности за успех правления создала типичную фигуру «великого визиря». <...> Необходимость формально единого ведения *всей* политики, включая внутреннюю, одним руководящим государственным деятелем окончательно сформировалась и стала неизбежной лишь благодаря конституционному развитию.

<...> Подлинной профессией настоящего чиновника – это имеет решающее значение <...> – не должна быть политика. Он должен «управлять» прежде всего *беспристрастно* – данное требование применимо даже к так называемым «политическим» управленческим чиновникам, – по меньшей мере официально, коль скоро под вопрос не поставлены «государственные интересы», то есть жизненные интересы господствующего порядка. <...> Политический чиновник не должен делать именно того, что всегда и необходимым образом должен делать политик <...> – *бороться*. <...> Деятельность вождя всегда подчиняется совершенно иному принципу *ответственности*, прямо противоположной ответственности чиновника. В случае если <...> вышестоящее учреждение настаивает на кажущемся ему ошибочным приказе, дело чести чиновника – выполнить приказ <...> добросовестно и точно: без такой в высшем смысле нравственной дисциплины и самоотверженности развалился бы весь аппарат. Напротив, честь политического вождя, то есть руководящего государственного деятеля, есть прямо-таки исключительная *личная* ответственность за то, что он делает <...>. Как раз те натуры, которые в качестве чиновни-

ков высоко стоят в нравственном отношении, суть скверные, безответственные прежде всего в политическом смысле слова <...>. Но давайте еще раз вернемся к типам политических фигур.

На Западе со времени возникновения конституционного государства, а в полной мере – со времени развития демократии типом политика-вождя является «демагог». У этого слова неприятный оттенок, что не должно заставить нас забыть: первым имя «демагога» носил не Клеон, но Перикл. <...>

Во всех сколько-нибудь обширных, то есть выходящих за пределы и круг задач мелкого деревенского кантона, политических союзах с периодическими выборами власть имущих политическое предприятие необходимо является *предприятием претендентов*. Это значит, что относительно небольшое количество людей, заинтересованных в первую очередь <...> в участии в политической власти, создают себе посредством свободной вербовки свиту, выставляют себя или тех, кого они опекают, в качестве кандидатов на выборах <...>. Невозможно себе представить, как бы в крупных союзах вообще происходили выборы без такого предприятия. Практически оно означает разделение граждан с избирательным правом на политически активные и политически пассивные элементы, а так как это различие базируется на добровольности самих избирателей, то оно не может быть устранено никакими принудительными мерами <...>. Вожди и их свита как активные элементы свободной вербовки и свиты, и, через ее посредство, пассивной массы избирателей для избрания вождя – суть необходимые жизненные элементы любой партии. <...>

Партийная свита, прежде всего партийный чиновник и предприниматель, конечно, ждут от победы своего вождя личного вознаграждения – постов или других преимуществ. <...> Прежде всего они рассчитывают, что демагогический эффект *личности* вождя обеспечит партии голоса и мандаты в предвыборной борьбе <...>. А труд с верой и личной самоотдачей человеку, не какой-то абстрактной программе какой-то партии <...> является тут идеальным моментом – это «харизматический» элемент всякого вождизма, одна из его движущих сил. <...> Коль скоро в какой-то момент партия оказывается без общепризнанного вождя, поражения следуют одно за другим <...>.

Как же происходит отбор этих вождей? Прежде всего: в соответствии с какой способностью? Конечно, определяющей здесь (наряду с волей, имеющей решающее значение во всем мире) является власть демагогической речи. <...> Данное положение можно, пожалуй, назвать «диктатурой, покоящейся на использовании эмоциональности масс». <...>

В *Германии* до сих пор решающими условиями политического предприятия являлись, в основном, следующие. Во-первых: бессилие парламентов, в результате чего никто из обладавших качествами вождя в течение длительного времени не мог сюда попасть. Допустим, он захотел бы стать членом парламента – что бы он стал там делать? Когда освобождалось место в канцелярии, соответствующему начальнику управления можно было сказать: в моем избирательном округе есть весьма толковый человек, он бы подошел, возьмите-ка его. И его охотно брали на освободившееся место. Вот, в общем-то, все, чего мог достигнуть немецкий парламентарий для удовлетворения своих инстинктов власти <...>. Следует также учесть – и этот второй момент обуславливал первый – огромное значение в Германии вышколенного профессионального чиновничества. Здесь мы были первыми в мире. Поэтому профессиональное чиновничество претендовало не только на места чиновников-специалистов, но и на министерские посты. <...>

Третьим отличительным моментом было то, что, в противоположность Америке, мы в Германии имели принципиальные партии, которые по меньшей мере <...> утверждали, что их члены являются носителями «мировоззрения». <...>

Чем же в таком случае стали заниматься немецкие профессиональные политики? У них не было ни власти, ни ответственности, они могли играть лишь весьма подчиненную роль ува-

жаемых людей и в результате снова оказались во власти самых типичных цеховых инстинктов. <...>

<...> Но выбирать можно только между вождистской демократией с «машиной» и демократией, лишенной вождей, то есть господством «профессиональных политиков» без призвания, без внутренних, харизматических качеств, которые и делают человека вождем. Последнее же предвещает то, что нынешняя партийная фронда обычно называет господством «клики». <...>

Можно сказать, что в основном три качества являются для политика решающими: страсть, чувство ответственности, глазомер. Страсть – в смысле *ориентации на существо дела*: страстной самоотдачи «делу», тому богу или демону, который этим делом повелевает. <...> Одной только страсти, сколь бы подлинной она ни казалась, еще, конечно, недостаточно. Она не сделает вас политиком, если, являясь служением «делу», не сделает *ответственность* именно перед этим делом главной путеводной звездой вашей деятельности. А для этого – в том-то и состоит решающее психологическое качество политика – требуется *глазомер*, способность с внутренней собранностью и спокойствием поддаться воздействию реальностей, иными словами, требуется *дистанция* по отношению к вещам и людям. <...> Проблема в том и состоит: как можно втиснуть в одну и ту же душу и жаркую страсть, и холодный глазомер? Политика «делается» головой, а не какими-нибудь другими частями тела или души. И все же самоотдача политике <...> должна быть рождена и вскормлена только страстью. <...> «Сила» политической «личности» в первую очередь означает наличие у нее этих качеств.

И потому политик ежедневно и ежечасно должен одолевать в себе совершенно тривиального, слишком «человеческого» врага: обыкновеннейшее *тщеславие*, смертного врага всякой самоотдачи делу и всякой дистанции <...>.

Исключительно верно именно то, и это основной факт всей истории (более подробное обоснование здесь невозможно), что конечный результат политической деятельности часто, нет – пожалуй, даже регулярно оказывался в совершенно неадекватном, часто прямо-таки парадоксальном отношении к ее изначальному смыслу. Но <...> нельзя, чтобы этот смысл – служение *делу* – отсутствовал. Как должно выглядеть то дело, служа которому политик стремится к власти и употребляет власть, – это вопрос веры <...> но какая-либо вера должна быть в *наличии* всегда. <...>

Политика есть мощное медленное бурение твердых пластов, проводимое одновременно со страстью и холодным глазомером. <...> Весь исторический опыт подтверждает, что возможного нельзя было бы достичь, если бы в мире снова и снова не тянулись к невозможному. Но тот, кто на это способен, должен быть вождем, мало того, он еще должен быть – в самом простом смысле слова – героем. И даже те, кто не суть ни то, ни другое, должны вооружиться той твердостью духа, которую не сломит и крушение всех надежд; уже теперь они должны вооружиться ею, ибо иначе они не сумеют осуществить даже то, что возможно ныне. Лишь тот, кто уверен, что он не дрогнет, если, с его точки зрения, мир окажется слишком глуп или слишком подл для того, что он хочет ему предложить; лишь тот, кто вопреки всему способен сказать «и все-таки!», – лишь тот имеет «профессиональное призвание» к политике.

СОВРЕМЕННАЯ ДИСКУССИЯ

В. ВОЛКОВ. МОНОПОЛИЯ НА НАСИЛИЕ⁷

Волков Вадим Викторович, доктор философии, заведующий кафедрой социологии Государственного университета – Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге. Автор книги «Силовое предпринимательство в России», ряда статей. В. Волков применяет классические историко-социологические концепции (М. Вебера, Н. Элиаса, Ч. Тилли) к анализу явлений современной российской действительности, что позволяет увидеть в хорошо известных явлениях смысл такого масштаба, который вполне может быть назван историческим.

«В основании любого современного государства лежит монополия на легитимное насилие и соответствующая этому монополия на налогообложение в пределах определенной территории <...> государство, которое в значительной мере утратило указанные важнейшие монополии, можно считать слабым. С 1987 г. сочетание ряда факторов вызвало активную приватизацию российского государства – процесс, при котором функции защиты юридических и экономических субъектов по преимуществу стали выполняться криминальными группами, частными охранными предприятиями или подразделениями государственной службы безопасности и милиции, действующими как частные предприниматели. Данный процесс вылился в скрытую фрагментацию (дробление) государства – на территории, находящейся под его формальной юрисдикцией, появились конкурирующие и неподконтрольные этому государству источники насилия и инстанции налогообложения».

«Вебер <...> и другие исследователи процессов формирования государства как установления монополий на насилие и на налогообложение едва ли предполагали возможность обратного процесса – потери этих монополий <...>. Однако сегодня, в условиях посткоммунистического кризиса государства, проявившегося в распространении организованной преступности и различных форм негосударственного насилия и налогообложения, данная историко-социологическая концепция способна служить <...> средством понимания скрытых связей между хорошо наблюдаемыми явлениями».

«Неподконтрольные государству инстанции организованного насилия, образовавшиеся в процессе перехода к рынку <...> сумели наладить механизм присвоения дани, которую должно – в условиях нормального функционирования – взимать государство в виде налогов. Свертывание государственного бюджета, массовое уклонение от налогов, расстройство механизма исполнительной власти, осязаемая утрата легитимности властных институтов вообще и другие кризисные явления – все это обусловило приватизацию организованного насилия».

«Динамику российской государственности сегодня во многом определяют два конфликтующих процесса – фрагментация государства и реконструкция государства».

«Фрагментацией государства я назову процесс создания и количественного роста частных или автономных от государства организаций, использующих реальное либо потенциальное насилие для извлечения дохода на территории, находящейся под формальной юрисдикцией российского государства. Фрагментация государства тождественна диффузии насилия, налогообложения и арбитражных функций». <...>

«Первая фаза скрытой фрагментации государства может быть определена рамками двух событий. Начало ей было положено законом о кооперативах 1987 г. <...> Моментом окончания первой, подготовительной, фазы и одновременно отправной точкой активной фрагмен-

⁷ «Монополия на насилие и скрытая фрагментация российского государства»// «Полис», 1998, № 5.

тации можно считать принятие в начале 1992 г. закона „О частной охранной и детективной деятельности“, позволившего легализовать многие организованные вооруженные группы. В российском контексте этот акт следовало бы рассматривать не столько как попытку государства регулировать использование насилия, сколько как законодательное закрепление диффузии важнейших официальных функций. Есть основания последующие два года охарактеризовать как время интенсивной фрагментации государства <...> период с 1994—1995 гг. и по сегодняшний день – как сочетание процессов фрагментации и реконструкции государства».

«Под реконструкцией государства я предложил бы понимать ряд политических, экономических, организационных и иных мер и практик, используемых как правительством и подконтрольными ему структурами, так и негосударственными организованными группами (в частности, ячейками гражданского общества) для усиления контроля за использованием силы с целью установления монополии на насилие. Реконструкцию государства следует отличать от того, что обычно называется „борьбой с организованной преступностью“ <...> реконструкция государства подразумевает более широкий набор средств, методов и стратегий, чем просто полицейские меры борьбы с преступностью <...> возврат государственной монополии на насилие предполагает три основные стратегии: уничтожение, интеграцию и умиротворение конкурирующих с государством инстанций организованного насилия и налогообложения».

С. ХОЛМС. ЧЕМУ РОССИЯ УЧИТ НАС ТЕПЕРЬ?»⁸

Холмс Стивен – профессор политологии Принстонского университета, доцент права юридического факультета Нью-Йоркского университета. Руководил в Фонде Сороса программой правовых реформ в странах Восточной Европы и бывшего СССР.

«На протяжении полувека Советский Союз не только был для нас главным военным соперником, но и выполнял в идеологической и политической системе отсчета роль „иного“. И левые, и правые в Америке отстаивали свои концепции свободного общества (при всем их различии), отталкиваясь от сталинского кошмара. С этой точки зрения „холодная война“ оказала глубокое формирующее влияние на нашу политическую философию. Можно даже сказать, что „холодная война“ и была нашей политической философией <...>.

Какие же именно элементы американского «символа веры» побуждал нас подчеркивать этот фундаментальный контраст? Прежде всего свободу слова и печати, а также свободу совести, поскольку Москва их жестоко подавляла. По той же причине американцы придавали большое значение свободе передвижения, праву граждан образовывать независимые объединения, праву на справедливое судебное разбирательство и праву голосовать на состязательных выборах, обеспечивающих реальную сменяемость представителей власти <...>.

Теперь Советский Союз стерт с мировой карты. Однако дела в России обстоят не лучшим образом. За пределами Москвы условия жизни людей ухудшились настолько сильно, что многим приходится кормиться за счет подсобного хозяйства <...> у россиян теперь больше оснований беспокоиться по поводу не силы государства, а его бессилия. Признаки беспорядка в стране – на каждом шагу: тюремные бунты, грабежи поездов, солдаты, выпрашивающие закутить у прохожих, стаи собак на улицах провинциальных городов, утечка нефти из трубопроводов <...>.

⁸ Статья «Чему Россия учит нас теперь?» опубликована в журнале Pro et contra, 1997, №4.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.